

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Брунио Хартманн
Холм Зверя

Брунио Хартманн Холм Зверя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67918662

SelfPub; 2022

Аннотация

Только вступивший в должность молодой сержант Имперской Пограничной Армии возглавляет группу рейтар, чьим первым боевым заданием становится разведка боем в Долине Ашайи. Мелкая стычка, переросшая в бойню между имперцами и опороченными, стала трагедией для одной из сторон и моментом ликования для другой.

Содержит нецензурную брань.

Брунио Хартманн

Холм Зверя

Висящий над самым горизонтом желтый шарик Артимуса тщетно пытался придать пейзажу радостный вид. Бескрайняя тундра Хародских пустошей тянулась на сотни километров, прерываясь случайно разбросанными цепями холмов, редкими бездонными расщелинами, ядовитыми, незамерзающими даже зимой, болотами и случайно выжившими здесь таежными массивами лесов. Возле последних прятались немногочисленные поселения тех, кому не повезло или кто оказался достаточно глуп, чтобы избрать эти земли своим домом. Лишь на востоке, вдоль горизонта, подобно отчаявшейся нергальей твари, что вздумала вгрызться в небеса, тянулись пики Спящих.

Двадцать всадников верхом на невысоких коренастых лошадях, специально выведенных для жизни в суровых владениях, пересекали снежную пустыню. Одетые в длинные шубы, из под которых блестели чёрные кирасы, они шли стройной колонной – передовой всадник пробивал тропу для остальных, пока те в напряжении вглядывались в ровный горизонт. Ни праздных бесед, ни солдатских шуток всадники себе не позволяли – холодный воздух нещадно обжигал лёгкие за каждый лишний вдох. Лишь редкие команды от молодого мужчины, с открытым бургонетом и плотным бордо-

вым шарфом на лице, верхом на вороной кобыле, нарушали сосредоточенную тишину.

Выскочив на небольшой холм посреди полуголой тундры, он резко поднял руку, заставляя колонну стянуться к нему.

– Вольтер, Адриан! Отправляйтесь на ту высоту по левую руку от нас. Маркус, Ренато! Вам та, что справа. Осмотрите окрестности на засады чернокровок. Остальным – отдыхать!

Оттянув уже порядком заиндевелый шарф вниз, командир, наконец, смог вдохнуть полной грудью. В отличии от своих сослуживцев, он не страдал от мороза столь же сильно – родившись в княжестве Мезнев, он знал мороз как старого товарища, а не врага. Как и прочие северяне, он являлся обладателем высокого лба, светлых волос и таких же усов. Унаследованные от матери голубые глаза давали ему фору в погоне за женским вниманием, но в последние полгода всему полку резко стало не до этого... Потянувшись за шиворот, он извлёк флягу со смесью некогда горячего красного вина и эльфийских пряностей. Когда напиток был только сварен, примесь давала приятное чувство тепла изнутри, но теперь она стала приторной, оседая на горле и раздражая его.

Подобно прочим настоящим воинским родам, де Грабровены не избегали службы в Имперской Пограничной Армии. И пусть для исполнения родовой повинности нужен был лишь каждый третий – позор тому мезневчанинскому князю, у кого нашли бы не служивого сына. Братьев ожидала ускоренная служба, лучшее снаряжение и протекция своих

родственников. Для многих эти полтора десятилетия становились ступенькой на шаг вверх, ближе к наследству, должности в Канцелярии или владению собственным феодалом. Но, будучи пятым в очереди на наследство, Фёдору де Грабровену подобное благо не грозило, в отличие от братьев, он даже не получил фамильного доспеха. Лишь серебряная брошь в виде соловья, родовой знак, и верная Ежевика вот и всё, чем он владел в свой шестнадцатый день рождения. Да и то – вороную кобылу он получил из рук конюха, даже не отца, но всё одно относился к ней с большой любовью, кличя Ежей. В последний раз он отправился сопровождать груз соболиных шкур. Обрато в отче поместье поехали телеги, груженные специями и фруктами с городского рынка, а он же, вместе с ненавистными соболями и простолюдинами, "выбравшими" службу в армии, отправился на юг.

Прошлому – прошлое. То было почти три года назад и с тех пор он успел делом доказать свою пользу в роли адъютанта и капрала, получив долгожданное сержантское звание – первая ступень, первая – среди равных. Теперь он несёт бремя ответственности за девятнадцать таких же благородных сыновей, что и он сам, а там, глядишь, и до капитана полшага – пусть придётся оставить службу с достойными и взять верховенство над пехтурой. Он – достоин своих шпор. С такими мыслями он вновь пригубил некогда любимое вино – рецепт матушки, одно из немногочисленных воспоминаний о ней.

– Проклятье.

Мужчина сплюнул неожиданно противную бурду и недовольно сунув флягу на место, принялся придирчиво оглядывать своих подчинённых. Те рассыпались вокруг, разминаясь. Кто-то, по примеру командира, потянулся за флягой. Кто-то проверял, как пистолы выходили из спрятанных под шубами кобур, досыпая порох и заново утрамбовывая его – после долгой скачки даже гномье качество не гарантировало, что вместо оглушительного выстрела не получишь жалкую осечку. Кто-то же просто устало рухнул в снег, давая отдых заднице. Они были хороши в своём деле, но для многих это было первое настоящее боевое задание за долгие годы службы.

"Как и для тебя", – противно прошипел голос на задворках сознания.

Многие были вымотаны уже самим переходом, а ведь впереди ещё треть пути, не говоря о возможной драке. Переведя взгляд на восток, командир вновь уставился на пики Спящих, как единственной приметной детали до одури надоевшего всем монотонного пейзажа.

– Говорят, место намоленное, – неожиданно раздался скрипучий голос справа.

– Что? – Дёрнувшись, мужчина повернулся к говорящему.

То был Старик – Леманн де Гровенн – тридцатидвухлетний ливеец, с выеденными оспинами лицом и бакенбардами, один из самых опытных рейтар в их отряде, успевший получить назначение в первый полк Нового Гектоса и с треском

вылететь оттуда на полевую службу. Причина его перевода из самого уважаемого полка окутана тайной, но ходят упорные слухи о том, что лишь графский статус отца Леманна спас того от увольнения с позором и конфискацией, но не от вечного прозябания на рядовой, пусть и почётной должности обыкновенного рейтара.

– Пики. Вы же туда смотрите, сержант? Намоленные они – паломники даже сейчас туда нет–нет, да попрутся. Говорят, чернокровки даже не посмели на монастыри пойти.

– Да врат-т они всё, – в разговор включился один из милетцев, как обычно со своим омерзительным южным акцентом, к которому сержант никак не мог привыкнуть. Будучи стройно сложенным с ужасно длинным носом, он заслуженно получил кличку Гном. Тот был несильно младше Фёдора и уже успел отслужить несколько лет в статусе адъютанта. – Их не взят-ть лишь потому, что они хорошо укреплены, нет в этих чйорных душах места Спяш-щим!

– В следующий раз, когда буду на службе у всебожников, передам, что Джованни наконец разрешил вопрос души у блохастых. – Гыкнул со стороны Шульц, толстый ливиец с практически отсутствующей шеей. Всегда славившийся своими рассказами об амурных приключениях он, в отличии от прочих рейтар, всегда с радостью проводил время с пехтурой, ходя по кабакам и красным домам полуросликов. Когда он ухмылялся, его лицо становилось похоже на маску мима, за что все его именовали Шутом.

– А то притомился я от этих полемик по службам каждую декаду – то возлюби ближнего своего, то покарай душу его. Ей-Келегор, ещё немного, и я встану на сторону Красного Ордена!

– Обязательно напишу тебе рекомендательное письмо. – Буркнул один из лурканцев. Это был Мишель, молодой баронский пасынок. Будучи крепко сложенным парнем с рыжими волосами, его нередко причисляли к выходцам из родных пенатов сержанта, что неистово бесило молодого аристократа. Кличка Медведь прилипла к нему после первой же драки, вызванной его донельзя дрянным характером. – Может тогда орденские шлюхи тебя не просто примут, но ещё и кастрируют.

– Сир сержант, можно высказатца? – К нему повернулся Гном.

– Можно мать твою за ляжку! – Не упустил шанса Шульд. Его закадычный друг, выходец из того же рода, Бран, тут же поддержал:

– Дык там ужно очередь до Пробуждения! Матрона даже из дома не может выйти от наплыва поклонников!

– Что?, – молодой милетец не первый год служил с ливейцами и, спустя секундную заминку, нашёлся. – Шуты речные, моя мат-т, в отличии от ваших, хотя бы дома сидит, а в её лоне не терялись экспедиции институт-та!

Ухмылка толстяка довольно быстро перешла к омерзительной усмешке – он никогда не упускал шанса для хоро-

шей драки. Чувствуя, что накопленная недельным переходом усталость вот-вот найдёт выход в кровопролитии, сержант тронул ногами Ежу, стараясь оказаться меж парнями. Однако его неожиданно опередили.

– Скажи спасибо этой благородной даме. Без её безусловно ценного вклада Зверь бы не смог собрать под свои знамёна достаточно большую орду, дабы каждому из нас хватило нарубить нечестивцев! – встрял Леманн.

Шокированные участием в перепалке ветерана, все на секунду замерли, а затем, подавая заразительный пример остальным, Шут заржал в голос, прикрывая рот от ледяного воздуха. За ним последовал Гном и Медведь. Уже через полминуты смеялся весь холм, пусть некоторым, стоящим поодаль, пришлось пересказывать весь диалог с самого начала.

– Довольно вам. Шульц, тебе, за достижения твоей матушки – двойную смену в разведке.. – Прервал веселье Фёдор, обрубая смешки. Леманн едва заметно кивнул тому – за всё время лёгкой истерии, он лишь криво ухмылялся.

“Пора напомнить, что они здесь не на прогулке”.

– Полковник Хулдерик и весь двадцать шестой на нас полагаются! Скоро здесь будет весь полк, а мы – его единственные глаза и уши! Мы все одинаково устали. Но впереди нас ждёт слава и честь, когда мы предупредим атаку Зверя. Долина Ашайи ждёт нас! Не подведём честь знамени!

– Надерём ему задницу! – Выкрикнул Шульц.

– Мы покажат-д им их место в Империи! – Поддержал

Джованни.

– Ублюдки пожалеют о том дне, когда взяли пику и мушкет в руки. – С улыбкой закивал Мишель, впрочем, быстро пряча её под шарфом.

– А вот и разведчики. – Дипломатично заметил Леманн, привлекая внимание Фёдора.

* * *

Как всегда, разведка вернулась ни обнаружив ничего, что уже здорово раздражало Фёдора. Они удалились от армии на три дневных перехода, и, если вокруг лагеря царила привычная суета, то теперь они оказались наедине с собой. Даже зверья вокруг было чуть.

С каждым оставленным за спиной километром, с каждой стоянкой, мысли молодого дворянина метались вокруг неожиданного продвижения по службе и своей миссии...

Старый сержант – Иоганн де Сигир, был тем ещё безжалостным ублюдком, но был на хорошем счету у капитана. За очередной игрой в карты Иоганн, вдруг, проболтался о том, что чернокровкам, мол де, давно пора дать имперские права, брать в пограничники не только наёмниками, а то и вовсе принять их духов в пантеон Спящих. Вскоре де Сигир заболел и был вынужден убыть в имение. Последующее назначение стало для Фёдора полной неожиданностью, ведь Великое Княжество никогда не было сторонником рабской политики Империи, что в условиях бунта Зверя лишь подстегнуло подозрение к северянам, как если не помогающим, то тай-

но сочувствующим. Однако на приснопамятном совещании, на которое вдруг пригласили мезневчанина, Хулдерик лично предложил его кандидатуру на пост сержанта, обеспечивая своим тяжким дварфийским словом ему протекцию. Что ещё сильнее смущало северянина – полное отсутствие в его двадцатке прочих представителей Мезнева. Но тот старался гнать от себя крамольные мысли и страх. С тех пор он лишь однажды видел дварфа – получая то самое задание.

Сидя перед полковником на походном стуле, под тяжёлым взглядом глубоко посаженных глаз, Фёдор ощущал себя как на уроках в отчем доме – будто учитель заранее знал, что несмотря на выполненные домашние работы, северянин совершенно не готов к дополнительным вопросам. Сейчас же де Грабровен чувствовал, что и к основным не сумел подготовиться.

– От сержантов и капитанов я требую мудрости и сдержанности. Но сейчас мне нужна отвага и смелость, столь свойственная северянам. – Дварф говорил спокойным и размеренным басом, что едва ли успокаивало переживающего солдата. – Тебе и твоим рейтарам предстоит пробиться через пустошь напрямую, в объезд дорог и засад блохастых. Ориентироваться придётся по звёздам и компасу. Наши следопыты и гномьи агенты узнали, что Зверь планирует разделить свои войска и нанести удар по ряду крепостей за время зимы, рассекая нас окончательно на север и юг. Однако мы не знаем, куда он нанесёт свой истинный удар – у него нет ар-

тиллерию, а значит Зверю придётся давить крепости числом.

– Тебе предстоит следить за дорогой подле Долины Ашайи. Если Зверь поведёт свою основную армию к этим просторам, значит он будет захватывать Хродвинг, лежащий к югу от него.

Фёдор был готов вскочить и броситься туда немедленно: “Это же мой шанс! Я стану тем, кто захлопнет ловушку над Зверем!”

– Так что – не подведи моё доверие. Я не прошу тебя в одиночку отбить атаку Зверя. Займи позицию и проследи, какие силы пройдут там. Не вступайте в битву со стаями блохастых! – Кряхтя, тот достал из под стола небольшую шкапулку, из которой извлек неприметное медное колечко. – Для связи. Зачаровано “Устами Архимага” – не больше двадцати слов, запомни! Используй его только для срочной связи с полком. И да помогут тебе Предки и ваши Спящие.

– Не смею подвести вас! – Вскочил со стула молодой дворянин. – Двадцать Шестой может рассчитывать на нас!

* * *

Выровняв Ежевику с лошастью Леманна, Фёдор некоторое время молча ехал подле, пожёвывая губы. Несмотря на то, что Ежа сильно выделялась среди прочих лошадок, и ей трудней давалась дорога, сержант настоял, что останется со своей верной кобылой. Ветеран держал почтительную тишину, делая вид, что не замечает едущего подле себя сержанта.

– Здесь слишком пусто, – наконец не сдержался Грабро-

вен.

– А мы и не ожидали здесь никого встретить. Разве не так? – Ветеран безразлично пожал плечами, ещё сильнее напоминая этим жестом древнего старика. Его пустой тон и скрипучий голос лишь укрепляли это впечатление. – Эта пустошь, Фёдор. Такая, какой её создали Ашайа и Негути. Так её заселила Тириара, и так благословил Тэнки. – Он пробормотал молитву Спящим, заставив сержанта вторить. Не стоит обходить богов вниманием.

– Но ведь Тириара не оставляла эти земли безжизненными. А мы даже совы или зайца не видали с той поры, как оторвались от лагеря, – не сдавался северянин.

– Эти земли были таковыми задолго до нашего с тобой рождения. Задолго, даже, рождения праотцов нашего благословенного полковника. И готов поспорить на ночную вахту, что и те не знают, за что боги распорядились оставить Харод таковым.

Неожиданная догадка пронзила сержанта:

– Но ведь вы не могли не читать выкладки профессора де Врена, что пустоши стали таковыми от воздействия баталии несущей магический характер...

– “...Что косвенно может быть свидетельством о том, что именно здесь Нергал поглотил мощь трёх ныне Спящих и обрёл наш мир на Катаклизм”, – Произнося это, даже под плотным шарфом, было видно, что ливеец будто проглотил лимон. – Я читал это еретическое учение институтских без-

дарей. По сей день, клянусь, единственная польза от этого прибежища еретиков – жалкие попытки наладить копии гномьего оружия. Верховному Протоиерею Николасу давно пора выступить с анафемой на этот притон!

– Вам, конечно, виднее, милорд. – Горько проговорил Фёдор. Он знал, что Леманн был истовым верующим, но труды де Врена и его жизнеописания “От Халана Многоликого до Виктории Великой” – были любимым чтивом мезневчанина. Хотя, говоря по чести, мало кто по службе бывал в восторге, попадая в очередные распределения к экспедициям института – обычно это сопровождалось самоубийственными вылазками в самые проклятые места Империи. Однако... – Однако ещё сам Турон Сжигатель...

– Вольтер остановился! – Раздался крик Шульца.

Наст снега на раскинувшейся равнине был достаточно крепок, а потому Фёдор разослал по одному разведчику на две сотни шагов по ходу движения и по сторонам. Пусть на такой равнине у них не было и шанса остаться незамеченными, но это не значит, что сержант был готов оставаться слепым.

– Шульц, бери Гнома и Маркуса – проверьте. Остальным – круговая оборона!

Быстро снимаясь с лошадей, солдаты резво стали разводить их вокруг и укладывать – на такой местности они были их единственным укрытием. В то же время, потеря каждой из них стала бы ударом. Из-за опасности перехода и в целях

маскировки было принято решение взять лишь пять запасных лошадей, что ныне скакали в конце колонны, гружённые едой и огневым припасом, которого взяли с большим запасом – два ящика. Как говорил Иоганн: “Лишний ящик пороха, не лишний. А для большого взрыва”.

Завидев остановку, Морган и Клауд резво развернули лошадей и отправились к отряду. Мишель снял с запасной лошади один из заготовленных на всякий случай мушкетов. Гномы может и подлый народ, но в одном они правы – огневой мощи никогда не бывает слишком много.

– Что, боишься подпустить шелудивую погань? – Усмехнулся один из залёгших дворян. Кажется, это был Рон.

– Смеешь сомневаться в моей доблести? – Полушутливо, с намёком на угрозу, ответил Мишель. – Не бойся, ублюдков всё равно останется достаточно много, дабы выпотрошить тебя.

– Вы говорите о чести, сражаясь гномьим порохострелом, ха! – Ещё один ливеец, Вилли, перехватил поудобнее эсток и с неприкрытым презрением глянул на пистоль в своей руке. – В чём честь, убить врага не схлестнувшись с ним в рукопашной схватке?

– Обязательно передам вашей матушке, что четыре дырки в вашем теле были получены максимально честно – в жалкой попытке запрыгнуть на дуб, где будет сидеть фелеска с аркебузой. – Мрачно ответил тому Леманн. Над равниной застыла неловкая тишина.

Замерев на мерно вздымающемся боку Ежи, мысли сержанта, равно как и остальных, вернулись к их первой, и, пока, единственной потере.

Два месяца назад Фриц Колесо отправился с Вольтером и Леманном в брошенную деревню и получил выстрел от мелкой чернокровки, засевшей на пути уже ставшего привычным маршрута патруля. Леманн тут же отомстил мелкой дряни, но расстояние в пять метров не оставляло Фрицу и шанса. К лагерным жрецам притащили уже давно остывший труп. Мелкая девчонка с лисьим хвостом и покрытая шерстью, вместо кожи, точно знала, где ждать разъезд.

Но лишь Фёдор знал, что та умерла с улыбкой на устах – в следующий раз ту деревню проверял уже Фёдор с Адрианом и Мишелем. На обратном пути он отпустил парней вперёд, предупредив, что ему нужно сделать крюк. Те сделали вид, что не поняли, куда отправился северянин, за что он был им искренне благодарен. Подойдя к дереву, солдат обнаружил тело фелески – скукожившуюся под деревом в позе ребёнка. Пуля раздробила ей правую ключицу, но не убила сразу – остальное сделали копыта лошадей. Пусть та и была чернокровкой, но она родилась под сенью Спящих – будущий сержант сжёг её под тем же дубом, потратив две фляги масла и полтора часа на рубку валежника.

Наконец от мыслей о прошлом Фёдора выдернуло возвращение Шульца и Вольтера – Гном и Маркус остались на том же месте.

– Докладывай! – Вперёд сержанта влез Леманн.

– Спящие проснулись. – Как всегда с ухмылкой начал толстый ливеец, но, уловив настроение, тут же исправился. – Вольтер уверяет, что видит впереди снежный шлейф, как от копыт большого разезда, но...

– В чём дело? – Не дожидаясь конца заминки продолжил Фёдор. Он старался не смотреть в сторону Леманна, нарушившего субординацию, дабы случайно не показать своё неудовольствие.

– Сир, Шульц говорит, что не видит его. Как и остальные. – Несколько неуверенно проговорил сбитый с толку Вольтер, резко повернулся и указал чуть в сторону от направления их движения, где, как и повсюду кругом, расстилось чистая небесная гладь. – Но я вижу его, вон он, прямо там!

– Вольтер, о чём ты, нергал тебя раздери, молвишь? – Поднимаясь с колен и отряхиваясь от снега, сержант пытался осознать происходящее.

– Клянусь Спящими, вон! – Кусая губы, молодой ливеец указывал рукой в пустующую линию горизонта. Парни во-круг зашевелились, неуверенно переглядывались и силясь разглядеть хоть что-то впереди. Раздались первые нервные смешки.

– Мы не смеем не верить вашему честному слову... – Вновь взял слово Леманн, и Фёдор уже набрал воздуха в грудь, дабы прервать много думающего о себе ливейца, кото-

рый встречает в разговор, как их обоих прервал неуверенный голос лурканца Моргана:

– Сир, я тоже вижу этот шлейф.

– И йа, – подхватил милетец Клауд. Они оба переглядывались с остальными, ища поддержки, но все прочие, усиленно всматриваясь в указанную сторону, всё также не могли ничего разглядеть..

– Спящие защиты, – пробормотал Леманн, запустив волну таких же шепотков. Липкий пот прошиб Фёдора – с колдунством им ещё сталкиваться не приходилось. Люди вокруг умолкли и принялись кто проверять пистолы, кто крутить родовые кольца – неуверенность можно было черпать ложкой.

– Какие указания, сержант? – Наконец нарушил повисшую в разговоре паузу Шульц.

Северянин неожиданно понял, что кусает верхнюю губу, благо, что под шарфом было не видно движения губ. От него зависит решение, и это осознание навалилось на его плечи, не позволяя даже сдвинуться с места. Однако вбитая отцом выправка не позволила уронить свою честь и, что важнее, честь рода де Грабровенов. “Не знаешь что делать, атакуй!” – говорил отец.

Загнав пистолет в кобуру и потянув поводья, он поставил Ежу на ноги, попытавшись запрыгнуть в её седло одним движением, но одеревеневшие вмиг мышцы подвели хозяина, обращая ловкость в лёгкую заминку.

“Это всё от долгого ожидания и дороги”, – убеждал себя Фёдор.

– Зверь наконец нашёл нас достойными встречи. Не будем его разочаровывать. Вольтер, Морган, Клауд. Посменно едите впереди и справа, также в двух сотнях шагов. Мы – за вами. Если это какое друидское проклятье, мы найдём его источник и уничтожим! Двадцать шестой полк, первая рейтарская рота, пятый отряд! Вперёд!

Сержант говорил как можно увереннее, придавая своему голосу несвойственный ему бас. Парни перед ним впервые шли в атаку, и он не смел предать их веру в него, как командира. Среди них он был первым среди равным! Однако его голос, в конце, всё же предательски дрогнул, но люди, его люди, этого уже не услышали. После крика “двадцать шестой”, все уже стояли на ногах, готовя лошадей.

– Двадцать шестой!

Вскоре боевая колонна была сформирована. Исходя из описаний троицы “ясновидящих”, Фёдор предположил, что противник в трёх-четырёх километрах от них. “Ясновидящими” парни стали не без помощи Шута.

– Если они тоже оконь, то нагоним в четверть часа. – Подумав секунду, сержант придержал лошадь, поравнявшись с Медведем.

– Мишель!

– Сир?

– Бери мушкет и держись позади. Это приказ! – Увидев

намёк на возмущение лурканца, мезневчанин прервал его в зародыше. – И это не укор твоей чести! Ты единственный из нас, что имеет хотя бы шанс на прицельный выстрел из этого орудия, а мы не знаем, с чем схлестнёмся. Исполнять!

Отделавшись кивком, солдат отбыл в обозную часть колонны, считая себя вновь не допущенным до возможности свершить подвиг.

– Лурканцы... – Сержант не удержался от едкого замечания.

– Знают о чести всё. И отличные бойцы. – Сухо продолжил Леманн, вновь испортив настрой Фёдору. Тот, от досады, поддал пятками в бока лошади, пуская Ежевику в рысь, подавая пример остальным.

* * *

Вскоре стало понятно, что им удалось застать прячущихся врасплох. По словам “видящих”, столб снежной пыли сначала опал, а затем вновь поднялся – колдуны совершили отчаянную попытку бежать от наступающих имперцев.

– Ха! Их магия ест-т полная дрянь! – Усмехнулся Гном, заражая остальных залихватским настроем. Шульц немедля засунул два пальца в рот и оглушительно засвистел, подначивая остальных парней заулюлюкать и пустить лошадей в галоп. Даже Фёдора охватил сладострастное предвкушение – он вспомнил охоту в отчем доме, загнанных волков, ярость зверя, что сменялась отчаянием за миг до гибели...

– Спокойнее, молодняк! – Закричал Леманн, поравняв-

шись с северянином. – Это не игра, держать строй!

Слова ветерана возымели эффект – порядок колонны вскоре был восстановлен, а свист и смешки сменились напряжённым молчанием. С галопа все перешли на скорую рысцу – не пристало лошадей выматывать раньше времени. Быстро стало понятно, что “ясновидящие” уже должны были заметить преследуемых, но почему-то замечали лишь снежный шлейф, будто появляющийся сам по себе.

Наступил черёд Моргана – теперь он шёл лишь на полсотню шагов впереди. По его описанию, до убегающих оставалось не далее полукилометра – все в последний раз проверили оружие и, по приказу Фёдора, развернулись в цепь, как десятки раз до этого на игрищах. Только теперь пистолы были заряжены не холостыми, а впереди были не свои же пехотинцы, тренирующие выучку в строю терции. И, впервые, сержант был тем, кто вёл за собой строй, сжимая в руке вдруг потяжелевший палаш.

Ускоряясь с каждой секундой, всадники шли галопом, чётко выдерживая стройную линию. Только Ежа была на полкорпуса впереди – управляя одними лишь коленями, руки рейтар сжимали пистолы и мечи. Второй пистоль торчал из кобуры под левой рукой, третий – на голенище. Ещё по два подготовленных пистоля – на седлах, по одному под каждой рукой.

Неожиданно лошадь Моргана резко затормозила, выбрасывая седока вперёд головой. Ещё пяток лошадей заартачи-

лись, ломая строй, но остановить рейтар было уже невозможно – сержант воздел палаш к небу и направил его прямо перед собой – на девственно чистую гладь пустоши. Спустя секунду, картина перед лицом сержанта резко изменилась.

В семидесяти шагах от них тридцать черноокровок, кто на мулах, кто на лошадях, кто на своих четырёх, остановились и торопливо доставали пики и порохострелы, отчаянно пытались выстроить подобие строя. Прямо перед беглецами, в двадцати шагах, стоял, вытянув трёхпалую лапу в сторону рейтар, одинокий, покрытый мешковатой одеждой старый мадатхи, опирающийся на какой-то резной посох. Больше волк, нежели человек, он с ненавистью глядел на северянина, беспрестанно что-то нашёптывая. Направив Ежевику прямо на него, северянин, краем глаза, успел заметить, как плотный наст снега под копытами лошади взрывается, и из под него вырывается плотный пучок корней и чего-то, напоминающего чёрные лианы. Поддав в бока, Грабровен заставил Ежу прыгнуть, ускользя от неожиданной ловушки. Три десятка шагов. Не раздумывая, скорее для острастки, чем в надежде реально навредить, Фёдор спустил курок в направлении мадатхи, заставив того вздрогнуть, когда пуля просвистела левее черноокровки. Двадцать шагов.

Сержант бросил в кобуру ставший бесполезным пистолет, понимая, что на второй выстрел нет времени. В отчаянной попытке спасти свою шкуру, мадатхи отбросил посох и ринулся прочь, к оформившемуся строю. Припав на четыре

лапы, он окончательно потерял человеческий облик. Мимо сержанта прошелестела пуля, пущенная неумелой рукой здорового полумедведя. До строя блохастых оставалось не далее десяти шагов, когда клинок Фёдора вонзился в спину убегающего, вырывая из его глотки смесь собачьего визга и человеческого стога. Не раздумывая ни секунды, северянин пустил лошадь налево, вдоль стены пик, выхватывая пистоль из седельной кобуры. Один чернокровка, с огненно-рыжим мехом на ногах, проскользнул вперёд из строя, стремясь подцепить рейтара своей пикой. Пущенная с пяти шагов пуля с лёгкостью пробилась доспех на груди самонадеянного фелеса, что тут же опал на землю.

Не оборачиваясь, Фёдор пустил коня вперёд. Одиночные выстрелы пистолей позади, грохот погромче – аркебуза или мушкет, рёв полумедведя, ржание раненых лошадей и людей. Пятьдесят шагов, смена пистоля, разворот. Всё, как тогда, на военных играх. К нему подскочил Гном, бледный, что сама смерть, с застывшей гримасой веселья и ужаса. За ним последовали Маркус, Ренато, Бран, Шульц, как всегда спокойный Леманн, Фриц, Валериан. Достаточно.

– Выучке они обучены. – Сухо подчеркнул ветеран, и его правота заставила сержанта поморщиться. Чернокровки топорливо разворачивали стену пик им навстречу, несмотря на то, что снег окрасил кровью не менее дюжины бойцов. Краем глаза он видел и недвижимые тела рейтар.

– Не дадим им собраться. Леманн! Собирай оставшихся и

атакуй за мной! – рывкнул Фёдор.

Пустив Ежу с места в карьер, северянин повёл людей за собой, уже не столь плотным, но не менее смертоносным строем. Он поднял палаш и дважды крутанул его вправо – оставалось надеяться, что все бойцы увидели знак. Загнав его в ножны, сержант выхватил второй пистоль, не отрывая взгляда от приближающегося строя пик.

“Давай же... Беги! Хоть один!” – пронеслось у него в голове.

Но несмотря на потери и несущуюся им в лицо смерть, они не дрогнули. Один баагвай – полумедведь в красном кафтане и железном нагруднике, проревел и припал на колени, заражая остальных примером – те изготовились отражать удар конницы. Злая ухмылка тронула уста солдата. В сторону наступающих разрядилось два выстрела из аркебуз от фелеса и мадатхи – позади раздалось ржание одной из лошадей.

Закусив губу, менее чем в десяти шагах от строя, Фёдор резко осадил Ежу, заставляя ту встать на дыбы. Остальные просто замедлились, выстраивая жидкую линию перед строем чернокровок, что замешкались лишь на миг – миг, отделяющий вчерашних землепашцев от настоящих бойцов. Живых бойцов. Грянувший нестройный залп унёс жизни не меньше полдюжины ублюдков, руша и так хлипкий строй.

Не дожидаясь ответа чернокровок, подобно единому организму, отряд синхронно развернул лошадей и бросился

вправо. Пятьдесят шагов, смена пистолей, разворот.

– Всё ест-т кончено. – Кривая ухмылка сползла с лица Джованни, уступая место глупой улыбке. Как и все прочие, они были сбиты с толку, но довольны собой.

– Ха. А Гном-то прав, чтоб мне монашка Ашайи в задницу дала! – Шут вновь засвистел, подбадривая остальных.

Леманн собрал отставших и повторил манёвр Фёдора шаг в шаг, с разницей в двадцать секунд. Чернокровки не выдержали зрелища павших товарищей и принялись разбегаться. Скривившись, сержант всё же отвернулся от сцены бойни, когда уловивший ход битвы Леманн тут же ударил в палаши. Нет ничего более жалкого, чем кучка оборванцев, убегающих от кавалерии в чистом поле, и более ужасного, когда эта кавалерия подзужена кровью павших товарищей.

– Ах ты нергалий выкормыш! – Посмотрев в указанную сторону, Фёдор чуть не взвыл от смеси отчаянья и обиды – одиночный всадник, одетый в лохмотья, уносился прочь от поля брани, стремительно наращивая уже и так немалый разрыв. Измотанные даже таким коротким боем лошади имперцев никак не могли бы догнать её быстро, а это означало долгую и, возможно, бесплодную погоню.

Раздавшийся раскат грома оставил проблему в сугубо теоретической плоскости. Споткнувшись, лошадь рухнула в снег, а Мишель, до того сокрытый крупом своей лошади, показательно небрежно помахал сержанту и отправился в сторону неудавшегося беглеца, барахтающегося под лошадью.

* * *

Моргана нашли там, где его лошадь, как и семь других, были испуганы магией друида, отказываясь подчиняться седокам. Морган был хорошим всадником, но мало кто может совладать с взбесившейся кобылой, до того несущейся галопом. Сброшенный вперёд головой, ему не повезло с приземлением – даже наст снега не смог смягчить удар в достаточной мере.

Франческо шёл в атаку сразу за сержантом. Лианы, упустившие северянина, сначала обволокли лошадь, сбивая ту с ног, а затем бросились на выпавшего из седла милетчанина, отчаянно пытавшегося выбраться из ловушки. Его тело пришлось вырубать из кокона, быстро заиндевевшего на морозе – лианы задушили бедолагу до того, как товарищи смогли его освободить.

Маркус также погиб в первой атаке – схлопотал пулю в голову. Случайный выстрел от одного из чернокровок – Фёдор старательно отгонял воспоминания о первом выстреле багвая, что предназначался ему, но из раза в раз навязчивый образ себя, лежащего на месте ливейца, лез в голову сержанта.

Брана нашли одним из последних, спустя полчаса после конца битвы – того успело даже занести снегом. Он успешно прошёл мимо строя в первый раз и отправился во вторую атаку и был тем, в чью лошадь угодила пуля чернокровок. Конь споткнулся и всадник не смог удержаться в седле – вытаскивал второй пистоль и рухнул с лошади, зацепившись

правой ногой за стремя. Однако лошадь не погибла – в предсмертной агонии, та вскочила и затоптала ливейца, превратив его в один большой кровоточащий кусок мяса. К моменту, как Адриан смог притащить его к разбиваемой стоянке, тот ещё оставался в сознании, и, к всеобщему ужасу, молил о помощи.

Доктрина Всебожия предполагает, что самоубийство есть грех перед ликом Зораны, но в случае, когда от этого зависит честь – Келегор может заступиться за душу уходящего. Куда хуже, когда вопрос в том, чтобы окончить страдания смертельно раненного товарища, надежды для излечения которого нет. Все понимали, что это именно так – жреческие зелья, что заблаговременно выделил Хулдерик разведчикам, были способны ускорить регенерацию, но никак не залечить смертельную рану. Тем более рану размером с целого человека – на одно лишь поддержание жизни в сыне барона ушёл бы весь их запас зелий с лишком, а значит всё задание ставилось под угрозу.

Сержант отдал приказ остальным продолжать ставить лагерь и кормить лошадей, Фёдор вышел из палатки, в которой пока оставили бормочущего в бреду Брана – одно из сакральных зелий отправило его в беспокойное забытье, давая время северянину подумать. Он хотел было испросить совета Старика, занятого с Гномом разбором трофеев, когда его перехватил Шульц, с ходу взяв быка за рога. Его непривычно серьёзный настрой и тяжёлый взгляд обещали неприятный

разговор:

– Фёдор, он наш боевой товарищ. Он – один из нас.

– Мы все здесь по воле Спящих и Императора. – Сухие слова устава слетели с его уст, пока на душе скреблись кошки. Он знал, что Бран и Шульц были не просто выходцами из одного крупного служилого рода, но настоящими друзьями. Все пророчили им быстрый карьерный рост, если бы половина выходов и причин для командирской головной боли не исходила от дуэта ливейцев.

Когда Шут вдруг шагнул ещё ближе, сержант едва удержал себя от инстинктивного желания разорвать дистанцию с товарищем, который, как он теперь видел – не слишком крепко стоял на ногах. Обдавший нос северянина запах крепкого амбрэ лишь подтвердил его догадку.

– Он бы вытащил любого из нас из пасти пустошной твари, буде такой оказаться здесь. Да он в огонь бы за нами прыгнул! – Шульц понизил свой голос до полушёпота, склоняясь к лицу сержанта. Фёдор быстро оглядев окрестности понял, что ливеец далеко не одинок в своём порыве – ещё пять человек мялись неподалёку от палатки раненого Брана, поглядывая в их сторону, несмотря на чёткий приказ ставить лагерь.

– Мы все здесь заодно. Любой из нас сделал бы всё для исполнения приказа. – Сам не зная почему, Фёдор тоже понизил свой голос, а потому загодя выуженная из закров памяти фраза Иоганна, произнесённая над телом Фрица, не

убедила даже его самого.

“Речь не о приказе. Он – один из нас.”

– Врёшь! Ты же даже не думаешь о том, дабы спасти его! – В шёпот ливейца закрались злобные рычащие нотки. Нездоровый блеск в его глазах заставил сержанта вспомнить, что он снял доспехи и перевязь с оружием, оставшись лишь при запрятанном в правый сапог ноже.

– Наша честь обязывает нас любой ценой исполнить задание Хулдерика... – Лишь вбитая в подсознание в отчет доме выправка позволяла Фёдору спокойно смотреть в глаза ливейцу, не отступая под его напором.

– Сраному дварфу нет никакого дела до нашей чести! – Уже не сдерживая голос раззадорился Шульц.

– Как ни удивительна это слышат-т от ливей-тса. – Раздался спокойный голос справа, откуда, к ним, шёл абсолютно невозмутимый Гном, держащий в руках посох чернокровки-друида, аккуратно обёрнутый шёлковым отрезом ткани. Шут был сбит с толку лишь на пару секунд. Он тут же развернулся к сопернику, направив в его сторону растопыренную пятерню, продолжив поток обвинений:

– ТЫ! Это точно ты подговорил сержанта не спасать Брана! Ты! Ты, республиканский выбл...

Не останавливаясь и на секунду, Гном бросил посох сержанту, быстро сократив дистанцию до пьяного ливейца, опрокидывая того поставленным ударом в челюсть и последующей подножкой. Фёдор ошарашенно шагнул от потасов-

ки, сжимая в обеих руках пойманный трофей. Оседлав поваленного толстяка, милетец вытащил кинжал из сапога и приставил его к шее противника:

– Шульц де Бри, ви обвиняйте меня в покушение на жизнь ваш троюродный кузен?

Прочие рейтары побросали свои дела и столпились вокруг, не смея вклиниться в происходящее. Они с интересом глядели на застывшего в нерешительности сержанта, который лихорадочно пытался понять, что делать. Это была не просто первая его драка подчинённых, это была драка после первого, для почти половины отряда, боя. Леманн, бредущий за Гномом, показательно сложил руки на груди, проявляя ту степень лёгкого интереса, что позволяет себе крестьянин, увидавший драку двух дворовых котов.

– Ах ты... Нет, я... – Просипел толстяк, перестав дёргаться, скосив глаза на блестящее остриё.

– Быть может у вас, Шульц, найдутся докозательства на злой умысел с моей стороны по отношению к ваш род? – Милетчанин застыл, выжидательно глядя на ливейца.

– Ты...

– Я задать вопрос, де Бри.

– Нет, Джованни... Но у меня есть кое-что получше... –

Шульц нашарил правой рукой голенище сапога.

Резко выдохнув, Фёдор сделал шаг вперёд, набирая побольше воздуха в грудь и молясь Спящим, дабы голос не дрогнул:

– ПРЕКРАТИТЬ ДРАКУ! – Заревел он, отбрасывая посох в ближайшего бойца. Оказавшись рядом и достаивая дерущихся самым строгим взглядом, сержант продолжил:

– Джованни, встаньте с Шульца! – Неохотно, с показательной ленцой, сын дожа поднялся с толстяка. Подумав секунду, милетец отбросил клинок, подавая руку Шульцу. Тот, с той же неохотой, под взором сержанта, принял её. – Шульц! Немедленно принесите де Фелисто извинения за ваши пустые и потому бессмысленные обвинения! Никто не собирается оставлять нашего боевого товарища на растерзание холоду и голоду. Мы сделаем всё, что в наших силах, дабы исполнить задание, а я, как сержант, сделаю всё, чтобы было кому праздновать победу!

Последние слова он говорил уже куда громче, развернувшись к остальным солдатам, в избытке прибывшим с начала конфликта. Застыв в почтительной тишине, многие из них с интересом поглядывали то на сержанта, то на замерших по стойке смирно двух провинившихся рейтар.

– Сиры. Я ожидаю вашего немедленного примирения здесь и сейчас. – Развернувшись к ним, мезневчанин выжидательно глядел на дворян. За что можно было любить и ненавидеть службу в пограничной – за уравнивание титулов, по крайней мере на бумаге. Здесь лишь он, Фёдор де Грабровен, был гласом власти.

– Будет исполнен-но. – Склонив голову, Джованни повернулся к Шульцу.

– Спящие мне в свидетели, я изволил выстроить неверные суждения о вас и ваших замыслах. – Стыдливо склонив голову, толстяк первый протянул руку сыну дожа, что крепко ответил на рукопожатие.

“Как и десятки раз до того. Шут не изменится”.

– Однако если бы я случайно не пригубил пару чарок, ты бы точно так легко со мной не справился. – Шут не мог без колкости.

– Не смею сомнев-ваця в твоих навыках кабацкой потасовка. – Уважительный тон Гнома не позволял понять, насколько тот серьёзен. Но раздавшиеся смешки вокруг уже говорили о том, что худшее – позади.

– Отставить! Джованни де Фелисто. Вы, как нападавший, вынуждаете меня применить к вам меры. Равно как и вы, Шульц де Бри! За неуважение как к старшему по званию, так и к своему боевому брату, а также за нарушение субординации. – Фёдор решил не вспоминать, как парой часов ранее Старик позволял себе такое же. Выдерживая тон строгого командира, он старался унять неистово бьющееся сердце.

– Приказываю вам закончить сбор тел чернокровок. Только вам двоим! Стоять ночные вахты до конца похода, заниматься готовкой. По возвращению в лагерь мне придётся крепко подумать, стоит ли докладывать Хулдерiku о ваших проступках. Свободны! Остальным – продолжать готовить лагерь к ночи!

Развернувшись, сержант, чеканя шаг, стремительно про-

шёл сквозь расступающуюся толпу и ворвался в палатку к Брану. Несмотря на весь вложенный пафос и усилия, он был почти уверен, что сорвался на бег на последних метрах перед палаткой, а напыщенный вид слетел на секунду раньше, чем следовало. Он не раз бывал на месте Шульца и Джованни, но впервые определял степень вины и наказание – не просто отчитывал нерасторопного слугу или мужичьё из пехтуры, но равного себе.

Ворвавшийся вихрь ветра потревожил Фёдора, заставляя того разогнуться и выдохнуть. Разворачиваясь, он увидел как всегда спокойного и улыбающегося Леманна, глядящего на него с... Уважением?

– Поставить их на одно дело – опасный, но разумный ход, сир.

– Я вспомнил советы отца... – Фёдор вдруг ощутил смущение, не зная, как реагировать на непривычную от Старика похвалу.

– Он бы гордился вами. Знаете, это напоминает мне старые деньки, когда я только заступил на службу... – Продолжая говорить, ветеран подошёл к спальнику Брана и шумно выдохнул. – Спящие защиты...

– Он совсем плох. – Вся буря эмоций утихла, как сержант подошёл к товарищу – окровавленные губы и вытекший глаз создавали маску скорее ожившего мертвеца, чем знакомого разгильдяя.

– Вы не потеряли силы духа при проявленной агрессии

подчинённого, что вдруг увидел в вас не боевого товарища, а командира, – Старик говорил тихо и неторопливо, деловито проходясь по ранам, вызывая тихие стоны Брана.

– Я думал о том, как сделать так, чтобы остальные не сочли меня трусом или тираном. – Признался смущённый сержант. Он боялся того, что не произошло – если бы завязалась драка...

– Не будем о том, чего не случилось. – Быстро открыв медальон, Старик довольно кивнул, пряча его в карман и принимаясь за завязки нагрудника рейтара.

Сержант вдруг вспомнил странное начало боя.

– Как вы думаете, почему мы не видели чернокровок? И почему они были не готовы к атаке?

– Тех, кого вы отослали на разведку, не попали под, как думается мне, колдунство шаманов. А не готовы... Вы же сами лицезрели – они яростные бойцы, но солдаты из них – никудышные. – Хмыкнув, Леманн откинул доспех в сторону, сморщившись и тихо ахнув. Переломанное тело и правда выглядел ужасно – зельями тут не отделаться, скелет ливейца надо собирать заново, для чего нужен опытный хирург. Ветеран снял родовую печать с Брана, заставляя северянина нахмуриться.

– Как бы то ни было, я рад, что вы проявили себя, как настоящий командир, не растерявшись. Возможно, мы все живы до сих пор лишь благодаря вашим решениям.

Повернувшись к Фёдору, Старик взял сержанта за плечи,

в нарушении всей субординации.

– А напомните мне девиз вашего дома, сержант?

– “Всегда с победой”, – заученная фраза сама вырвалась из северянина, окончательно сбитого с толку.

– Это малая версия. – Улыбнулся Леманн. Хлопнув северянина по плечу, он отвернулся, нагибаясь к Брану. – Вы начали как хороший командир. Дозвольте мне вам помочь.

Застыв в ужасе, Фёдор оказался не в силах выдавить из себя ни слова. Быстрым и выверенным движением, Старик нанёс всего один удар в грудь, пробивая поддоспешник коротким кинжалом, прямо в сердце. Засипев, Бран резко изогнулся, распахивая мутные глаза, но тут же опал, пока ветеран поддерживал его голову, тихо напевая успокоительную. Спустя пару секунд, ливеец испустил дух.

– Всегда с победой. Не глядя на горести. – Прошептал Фёдор, пока Леманн возвращал нагрудник на место.

* * *

– ... да смилуется Зорана над их душами, и да примет Келегор их в свои объятия. И да не достанется огонь их души – Нергалу...

Слова Старика едва пробивались в сознание сержанта через чёрную пелену отрешённости и безразличия, застывших в его сознании. Медленно, следуя строфе зачитываемого текста, пламя подбиралась к четырём застывшим телам. Не смотря на опасность и недовольства Леманна, Фёдор настоял на сожжении павших товарищей, потратив на это по-

ловину запасов масла.

Рейтары почтительно застыла вокруг сержанта, вслушиваясь в каждое слово ветерана, обходящего павших и держащего в руках всебожный круг. Старик закончил речитатив длинной зауспокойной – он единственный из них знал её полный вариант.

– Их гибель не останется незамеченной богами. – Леманн, развернувшись, одарил собравшихся ободряющим взглядом. – Но лишь в наших силах не допустить того, чтобы эта потеря не была напрасной.

Фёдор неожиданно понял, что взгляд ветерана замер на нём, став выжидательным. Сержанту предстояло сказать речь над отрядом. В голове всплыли слова отца:

“Пусть тебе и не придётся вести наш дом к славе на поле брани, ты должен помнить, как и любой другой Грабровен – что стоит за победой. За настоящей победой. Ты знаешь, что это, Фёдор?”

– Цена жертвы...

Люди вокруг замерли, когда сержант, осевшим голосом, заговорил. Едва заметное движение бровей Старика предупредило северянина, но того было уже не остановить. Прочистив горло, он продолжил:

– Цена жертвы, что заплатили наши братья за эту победу – это своя жизнь. Мы никогда не сможем отплатить им тем же, чем пожертвовали они ради нас, ради того, чтобы мы выжили, чтобы продолжили нести знамя двадцать шестого...

– Выступив вперёд, дворянин оттеснил Леманна в сторону, раззадориваясь с каждой секундой. Обернувшись, он глядел прямо на застывшего перед ним Шульца, уперевшего взгляд в землю.

– Мы почтим их память, обогрив клинки в крови Зверя. Мы отомстим за павших их сожжёнными домами. Мы заставим их пожалеть о том дне, когда они поставили себя выше Империи! – Сделав шаг к Шульцу, он взял его за плечи. Поднятый исподлобья взгляд Шута был полон решимости и злости.

– Сегодня мы потеряли четырёх бойцов. Четырёх друзей. Четырёх братьев по оружию. Это та цена, которую мы заплатили сегодня. Эта та цена, которую мы все рано или поздно заплатим, дабы наша честь жила в веках! Слава Империи! За Императора!

– За Двадцать шестой! – Взревел Шулец.

– За павших братьев! – Кивнул Мишель.

– С именем Спящих!

Вскоре поредевшая цепь рейтар отправилась на северо-запад. Они оставляли за своей спиной быстро затягивающееся молочное поле, что вскоре поглотило и разложенные в ряд тела чернокровок, и остатки кострищ. Спустя пару часов ничто не напоминало о том, что в этом месте сгнуло почти три дюжины душ.

* * *

– Я больше поверю в честного милетца, чем в ценность

этих пашен. – Хмыкнул Шульц, оглядывая открывшийся вид, припадая на загрибок лошади и щуря глаза от бьющего в глаза рассветного солнца.

– Да скорее ливеец умереть от голод-да, чем Зверь пойти суд-да за этим. – Гном, не оставаясь в обиде, спрыгнул с коня размять затёкшие ноги.

На вершине пологого холма собрался весь отряд, хмуро оглядывая открывшуюся панораму Долины Ашайи – житницы Харода. В низине, шириной в пару километров, тянулись нескончаемые пашни, раскинувшиеся вдоль речки и паутины вырытых меж холмов каналов.

Позавчера они наконец закончили манёвр по тундровой части Харода, заходя в неожиданно выросшую посреди пустоши тайгу, полную лесистых холмов. С этого момента отряд шёл с утроенной осторожностью, по ночам не разжигали костров, а днём избегая открытых пространств, моля Спящих о скрытности. До сего момента Патот оберегал верных странников, петляющих по тайге в поисках долины. И вот, наконец, они на месте.

– Даже эти земли способны прокормить тысячи. Если Зверь сорвёт сбор озимых или вовсе захватит эти поля, то мы потеряем весь север. Не говоря о тех, кто хранит наш покой на службе в Лабиринте или заперся в монастырях на Пиках. – Одёрнул сержант своих солдат.

– Помните, зачем мы здесь. – Поддержал его Леманн. – Зверь хитёр и умён, а потому опасен вдвойне. Не позволяйте

себе высокомерие. Смотрите в оба.

– А они уже поместили территорию. – Медведь указал на стоящий на соседнем холме хутор, ныне осуждающе глядящий на заброшенные пашни чёрными провалами сгоревших домов. На столетней сосне, растущей подле единственного каменного здания, висели, привязанные за ноги, два десятка людей с перерезанными глотками.

– Умилостивили духов. – С ненавистью сплюнул Старик, осеня себя символом Спящих.

– Не задерживаемся здесь. – Подавая пример, Фёдор тронул Ежу вдоль леса. – Найдём удобное место, откуда сможем следить за долиной.

– Мы разве не... похоронит-т их? – Голос Джованни заметно дрогнул.

Сержант резко остановил лошадь, закусывая губу и надеясь, что никто не заметил этого движения под шарфом. Ему самому не нравился этот вид, но...

– Если ты хочешь оповестить весь нергалий Харод о том, что мы здесь – приступай. – Спокойный и рассудительный голос Леманна нарушил возникшую заминку.

– Но вы же есть верный следователь Спящих! Как вы можете так просто... Махать от? – Когда Гном нервничал, его акцент и говор становились особенно ужасны.

– Я, как и все вы – служу Спящим. Империи Аммон. Императорскому дому. Своему полку. – Ветеран упёр правую руку в бок и небрежно пожал плечами, даже не повернув-

шись к милетцу. – И какая, по вашему, будет польза Спящим, если мы сгинем здесь, не предупредив полк о реальной угрозе, коли таковая есть? Нет, мы обязательно их похороним. Когда исполним долг.

– Всё так. Хватит разговоров. Нам ещё надо найти удобное место. – Фёдор пресёк дальнейшее рассуждение. – Леманн, бери Мишеля, Гнома, Ренато и Валериана. Прочешите всё к северу на три часа пути.

– Будет исполнено, сир!

– Шут, бери Адриана, Мервина, Вилли и Хайнца! Пойдёте на юг. Затем возвращайтесь. Ищите любой удобный холм, быть может где будет мельница или брошенная землянка на краю поля. И осторожнее – нам не нужна битва. Пока что.

* * *

– И какой идиот повести пехот-та в зима? – В который раз пробурчал Джованни выглядывая в небольшое круглое окошко. Он хмыкнул, окидывая взором погружающуюся во тьму долину с вершины взорванной мельницы – несмотря на обрушение половины стены и выгоревший первый этаж с хранилищем, верхняя площадка смогла чудом уцелеть. – Зимой не воеват-т, это любой дурак сказать. С чего мы вообще взятть, что Зверь пойти сюд-да?

– Этот “идиот” разгромил двадцать второй. Запямотовал? – Ответил ему спокойный голос Мишеля, что примерял приклад к плечу, прикидывая, насколько удобно смотрят уцелевшие окна на Долину. Удовлетворённый, он отложил

мушкет в сторону и принялся складывать скинутую сменщиками верёвочную лестницу обратно наверх. – От блохастых любой пакости ждать надо.

– Я бы не назвать это разгромом. – После секунды заминки нашёлся Джованни.

– А как хочешь называй. Но полк сейчас зализывает раны под Старым Гектосом и набирает пополнение, пока мы подтираем за идиотами, решившими, что они знают зимнюю тундру лучше Зверя. – Мишель прикинул, насколько хватит прихваченной снеди и разочарованно цокнул языком, оценивая наполненность фляги, выданной Шульцем для согрева. – Экий ублюдок, не долил!

– Явно себя-то не обидьел. Надеюсь, эти капли срубят-т его с лошади и он сломат-т шею. – Сморщившись, Гном ещё больше напоминал Мишелю мелких уродов из карикатур ордена. – Но мы не двадцат-ть второй. И план их был не безна-дйожен, им просто не повезло схватица с бесчестный мразь.

– Угу. Безнадёжен только твой имперский и мои молитвы, что ты станешь говорить как имперец, а не блядский южанин. – Мишель быстро глянул на юг. Там, на вершине холма с небольшой рощей, к которой примыкала старая каменная застава, выдавшая ещё Катаклизм, стоял остальной отряд. – А план Лоуренса был просто говно.

Откашлявшись на секунду, он бросил взор на милетца, что с кривой усмешкой глядел в другое уцелевшее окно, отчаянно кутаясь в шубу, наброшенную поверх доспеха. Ле-

манн настоял на том, чтобы разведчики не разжигали огонь и носили доспехи всю смену, чем вгонял разведчиков в уныние.

– И тем не менее... – продолжал южанин.

Мишель заметил краем глаза движение вдоль живой изгороди, что тянулась по краю занесенной дороги, лежащей меж холмов к югу от них.

– Заткнись! – Тут же зашипел Медведь, перехватывая мушкет и припадая к углу.

– Что? Ты совсем забылся...

– Заткнись, я сказал! – Одного угрожающего взгляда хватило, чтобы милетец, до того возмущённо повернувшийся к нему, резко преобразился. Вжимаясь в пол, тот быстрым движением вытащил пистоль.

– Где они? – Одними губами спросим его южанин.

Мишель молча ткнул на юг. До изгороди было порядка трёх сотен метров.

– Энрико и Адриан пошли как обычно к лесу? – Стал вспоминать Мишель.

– Да, Леманн говорит-т не соваться по полям.

– Может вернулись? – Тон, с которым лурканец это произнёс, заставил его самого искривить губы в кривой ухмылке.

– Обязательно. – Прошептал милетчанин. – Может звери?

– Хватит болтать. Замри.

“Если они здесь давно, то в любом случае знают о нас. Если только пришли, почему не пошли проверять мельницу?”

Это самое удобное место для осмотра... Подозревают, что мы здесь и решили сразу отсечь нас? Возможно. Тогда они должны обойти всё в поисках следов...”

– Нергал...

– След от кон-н, след к лагерь. – Прошептал с другой стороны Гном, думавший о том же самом.

Не заметить следов к мельнице было невозможно. Мишель бросил взгляд на далёкий силуэт обрушенной древней башни, где сейчас сидел, вроде как, Валериан с Клаудом. Три километра. Далёко.

– Ждём!

Южанин напряжённо кивнул. Он отложил первый пистоль и взялся за зарядку второго. Медведь последовал его примеру, сдерживая порыв придвинуться к краю и выглянуть. На высоте дюжины метров они были надёжно укрыты плотным брусом, но если кто-то сейчас смотрит в их сторону – любопытная голова тут же привлечёт внимание движением. Зарядка пистолей успокоила расшалившееся нервы дворянина, обдумывающего варианты. Может и правда зверь? Но зачем ему прятаться вдоль ограды...

Спустя пять минут, что тянулись не быстрее, чем милетский дождь за оплатой, ничего не происходило. Холод от брусьев, на которых они лежали, стал противно покалывать в ногах, которые вдруг полностью онемели. Мишель поймал себя на том, что в пятый раз облизал пересохшие под шарфом губы.

Милетец взмахнул рукой, подобрался и удобнее перехватил пистолы. Мороз уже здорово кусал оголённые руки, но стрелять в перчатках – просто невозможно. Спустя пару секунд лурканец услышал тихое поскрипывание снега. Тишина. Ещё одно. И ещё. Но уже другой стороны.

Шаги были едва различимы.

“Фелесы. Чернокровки, принявшие мутации лисов, кошачьих и ряда песцовых. Одна из трёх форм устойчивых проклятий чёрной крови... Не время для воспоминаний об уроках Института!” – Мишель отогнал от себя неуместные мысли. Но, скорее всего, это и правда были они – самые лёгковесные из всех. И самые любимые в борделях рабы. Те из них, что не полные уроды.

Невидимые враги замерли в пяти метрах от мельницы. Минута тянулась бесконечно – ни звука не доносилось снаружи. Лишь тихое дыхание двух застывших мужчин разносилось под крышей, пока убегающий Артимус оставлял их наедине с подступающей тьмой, где преимущество была у блохастых.

И вдруг тишина взорвалась шумом и гамом – с рычанием и короткими неразборчивыми возгласами внутрь, с двух сторон, ввалилась небольшая толпа. Раздался щелчок спускаемого арбалета и наконечник звонко отрикошетил от камня. Вздрыгнув, Мишель едва не спустил курок, на котором, против его воли, оказался указательный палец.

Снизу тем временем разносились возгласы и ругань. За-

тем последовал резкий шлепок и грузное падение на пол, неуверенное посмеивание и ворчание кого-то третьего. Спустя ещё пару секунд, раздался зычный голос одного из чернокровок. Их язык различался от племени к племени и был, по сути, диалектом имперского с примесью фырканья, гавканья и рычания, в зависимости от состава стаи.

– Идиоты! Эти двое обнаружили нас-с! Роргреш, гррош цена твоей волшшбе, если нас заметилли!

Ему вторил более низкий и шипящий голос, чьи слова будто струились, так неспешно и размеренно молвил неизвестный:

– Не тебе меня винить, Бдар. Я говорю с духами, а не посылаю сородичей на гибель..

– Я заслужил это право!

– В любом случае здесь ничего нет. Они просто остановились здесь и поехали обратно.

“Они не различили нас с Энрико и Адрианом!” – Мишель едва сдержал выдох облегчения

– А вы проверит-т верхний этаж? – Спокойный голос, говорящий без чернокровского говора... Зато с милетским акцентом.

Глаза Гнома сузились, а костяшки его заиденевших пальцев вцепились в пистолы, будто твой канцлер в лишней динар. Милетские наймиты имели дрянную привычку идти к тому, кто больше платит, не смотря на знамёна, забывая о своём долге перед Империей. Но сердце его ухнуло, при осо-

знании сказанного – у них удобное место для обороны, но если среди них друид или колдун...

– Туда никак не забраться, – ответил Роргреш. – Имперцев здесь вообще быть не должно!

– И тем не менее – они здесь. – Продолжил обладатель акцента.

– Это не стоит спора. Когда я облетел окрестности, я видел имперцев лишь на заставе.

– И всё же – проверь верхний этаж-ж. Обернись птицей.. Мишель закрыл глаза от бессилия. Всё-таки друид. Способный к обороту в зверя.

– Не с-смей гавкать таким тоном!

Последовал звук короткого удара и чьё-то тело осело на землю. Завязалась короткая потасовка и ворчание, закончившееся смешками. Мишель насчитал семь голосов..

– Я не стану тревожить духов по желанию имперского наймита. Тебе дозволено служить делу Нуриза Освободителя, но ты не ровня нам!

– Я знаю об имперской тактике всё! Отпуст-ти! – Мишель не смог сдержаться и улыбнулся под шарфом. Спящие на их стороне. Глянув в сторону Гнома он также заметил торжество в его взгляде.

– Отпущу когда будет приказ. – Проревел глубоким басом, как догадался лурканец, один из баагваев.

– Может прикончим его? Скажем, дос-стался имперцам.

– Его голова несёт ещё много полезного. Я думаю он осо-

знал свою ошибку.

– Аг-га. Так и ест-т!

– Вот и ладно. Отправляемся к аванпосту! Я пошлю весть остальным, чтобы стая собиралась. Мы ударим по имперцам со всех стороны. Дрошган уже должен быть рядом.

– Это есть рискованно...

– Ты забыл урок?...

Голоса стали отдаляться. Но лишь минуту спустя, когда Мишель, взяв мушкет, прополз ближе к краю и увидел дюжину удаляющихся на юг силуэтов, он наконец выдохнул.

– Так... Что мы делать? – Раздался шёпот позади. Приблизившийся Гном напоминал натянутую тетиву, готовый в любую секунду лопнуть – Мишель заметил, как по его лбу стекает небольшая капля пота. Наградив его секундным взглядом, лурканец горько усмехнулся.

– Келегор даровал нам шанс исполнить его волю. Так делаем то, зачем высылают “секреты” вперёд основного лагеря.

Сзади раздался протяжный выдох с краткой молитвой защиты. Приклад привычно лёг в плечо, пока он наставлял мушку в спину двум чернокровкам, бредущим впереди прочих. Один напоминал обычного волчьего оборотня, если бы не человеческая голова, а второй – был бы и вовсе человеком, если бы не вывернутые обратно ноги. И длинный посох, на который тот опирался.

– Героически погибнут-т в полном состав, предупреждая атака.

Взяв упреждение и закрыв глаза на миг, для прочтения молитвы, Мишель вдруг спросил.

– Как думаешь, Гном, сколько метров?

– Пятьдесят-т.

– Не угадал. Шестьдесят. – Палец мягко, почти нежно, потянул курок.

* * *

– Выстрел с дозора! – Раздался истошный крик, впрочем, абсолютно ненужный. Далёкий рокот, практически незаметный из-за зимнего ветра и расстояния, был прекрасно знаком любому рейтару.

– Доспехи, живо! Вонда, Вольтер! Готовьте коней! Что видно сверху?! – Скрипучий Голос Леманна окончательно разогнал сон Фёдора, заставляя того выскочить из спальника, тут же запутавшись в нём. Упав обратно на землю, тот выкатился из него и стал быстро надевать сапоги. В палатку ворвался Старик, который, кажется, и спал в доспехах, насколько от этого не страдая.

– Сержант, мы разожгли костёр, остальные дозоры уже должны возвращаться.

– Видно кто атакует? – Мезневчанин никак не мог совладать со вторым ботинком.

– Никак нет!

Тот, оценив страдания Фёдора, начал помогать в сборах ещё не пришедшему в себя северянину. Спустя пять минут, тот откинул полог палатки и вышел в резко обезлюдевший

лагерь. Бойцы занимали руины заставы, чудом избежавшую жадных до камня переселенцев. По трём сторонам заставы тянулась каменная стена, да обвалившаяся на уровне третьего яруса узкая башня – вот и всё, что напоминало о той поре, когда для защиты земли хватало дюжины рыцарей и нагромождение камня. Как, наверное, тогда было просто...

– По дороге кто-то идёт? – Крикнул сержант в сторону башни.

– Нет, сир! – Донёсся ответ. Это серьёзно подпортило настрой де Грабровену. Они сидели здесь уже вторую неделю и у них не было никакой связи с полком, кроме одноразового магического кольца. А раз никто не шёл по долине, не было повода вызывать остальной полк.

– Мог Мишель наконец пристрелить Гнома? – Как бы невзначай раздался голос Шута слева от сержанта, когда тот зашёл на оборудованную позицию. Удостоив Шульца лишь взглядом, Фёдор заскочил на стёршиеся ступени. Быстро пробежав по винтовой лестнице, он оказался возле Клауда, напряжённо всматривающегося в сгущающиеся сумерки через небольшое арочное окно. Белый камень мельницы выделял её на фоне темнеющего леса, и, будто ожидая сержанта, на её вершине стали расцветать всполохи выстрелов.

– Нергалье отродье... – Прошептал ошарашенный Валериан, до того прятавшийся с мушкетом в стороне. Фёдор вновь понял, что кусает нижнюю губу. Нельзя показывать сомнения!

– Они справятся. Готовьтесь к бою. – Кивнув сержанту, Валериан начал стягивать перчатки и заряжать мушкет. “Для охраны границ лучшие святые – это пушки”, – так говаривали гномы.

Аккуратно сбежав вниз, Фёдор быстро обвёл взглядом позицию. Рейтары знали, что если их обнаружат, шансов у них не много. Но это не значит, что они не готовились. Вдоль уцелевших стен был прокопан ров глубиной в полтора метра – лишь полметра замёрзшей земли поддались их усилиям. Земля пошла на укрепление смотрящей на восток стороны. Их позиция располагалась с краю долины, всего в пятидесяти метрах начинался лес, что, как считали все, делало его самым опасным флангом.

– Леманн.

– Сир?

– Берите коня, Вонду и Вольтера, и пистолы. Будем...

– Противник с леса!

В следующую секунду Фёдор заметил летящий в себя арбалетный болт и смог лишь крикнуть, когда тот врезался ему в грудь, сбивая его ног и выбивая дух. Рухнув на землю, северянин отчаянно пытался прийти в себя, когда почувствовал, как кто-то подхватил его и потащил к валу. Вокруг раздавались крики и пистолетные залпы. Обеспокоенное лицо Шута появилось перед ним, но когда тот что-то спросил у сержанта – треск пистолета заглушил вопрос и Фёдор лишь кивнул, показывая, что он в порядке. Расплывшись в улыбке,

толстяк резво вытащил палаш и с криком бросился к валу.

Глубоко вдохнув, Фёдор не без облегчения понял, что никакой боли в груди и рёбрах нет. Шуба и доспехи погасили удар. Вытаскивая палаш и оглядываясь, он понял, что битва кипит вдоль всей стены – несколько чернокровок уже были внутри, пока ещё Нергал знает сколько засели в лесу с арбалетами. Над ним мелькнула тень хвостатого фелеса – без одного уха и глаза, тот наугад отправил выстрел из пистоля куда-то в сторону башни и выхватил два кинжала, замечая рядом с собой сержанта.

Не дожидаясь его реакции, северянин бросился на чернокровку, нанося колющий удар в торс. Враг попытался отвести клинок кинжалом и поднырнуть под удар, но сержант опередил его. Стальная перчатка врезалась в лицо удивлённого полужверя, сбивая фелеса с ног. Но у мезневчанина не оказалось времени добить его. Прямо перед ним оказался ещё один противник – двухметровый амбал с вытянутой мордой и серым мехом на ногах и руках, он был закован в доспехи и шлем с открытым забралом, размахивая несуразно огромным мечом. Широким взмахом меча он заставил Шута отпрыгнуть, и следующим шагом ублюдок уже был рядом с сержантом, занеся чудовищный клинок над головой.

Скорее инстинктивно, Фёдор поднырнул под удар, как только что это сделал фелес, но манёвр амбала был лишь финтом – чернокровка не пытался его разрубить. Блохастый, резко остановившись, перевёл удар в длинный колющий вы-

пад. Лишь в последний момент северянин успел отпрыгнуть назад, разминувшись с остриём всего на пару сантиметров. Гигант вновь вознёс клинок, но в ту же секунду ему в спину раздался выстрел, бросая его на колени. Следуя примеру, сержант выхватил пистоль и подскочив к ублюдку, приставил дуло к оголившемуся мохнатому загривку.

– Пощ... Пощады. – Прощелестел глубокий голос из под шлема.

– Ни за что. – Выстрел окончательно свалил чернокровку.

Тем временем под оградой зашевелился пришедший в себя фелес, бросившийся на мезневчанина и сбивая того с ног. Немедленно оказавшийся рядом Шульц не оставил шанса расквитаться за гибель товарища, вогнав ублюдку клинок в шею.

Сзади раздался волчий вой, и сержант успел ощутить, как земля под его ногами зашевелилась. Не став медлить, тот откатился в сторону, когда снег подле него взорвался корнями и лианами. Несколько омерзительных отростков опутали правую руку Фёдора, с чудовищной силой сдавливая стальной наруч.

Мимо стремительно пронёслась тройца всадников, возглавляемая Леманном. Те с ходу преодолели вал, пуская лошадей в галоп прямо в лес, обращая нескольких стрелков в бегство.

Ожившие корни быстро опутывали тело сержанта. Несколько отростков уже тянули его за ноги, прижимая мез-

невчанина к земле. Оказавшийся рядом Хайнц попытался перерезать лианы ударами палаша, но те едва поддавались. Выхватив кинжал из-за голенища, Фёдор, не смотря на адскую боль в правой руке, стал отчаянно рубить неподатливые корни, пока, наконец, отскочивший Хайнц не бросил масляную лампу в то место, откуда негальи отростки бросились на сержанта. Те тут же опали, позволяя, наконец, освободиться северянину. Тот лишь устало кивнул спасшему его руку бойцу, и, стараясь не обращать внимания на боль, привалился к валу, переводя дыхание и оглядывая поле боя.

Лишь восемь противников смогли перебраться через вал, пав под клинками и пулями. Эртмуд, с арбалетным болтом в глазу, лежал неподалёку от башни. Вилли – сцепился с баагваем в поистине честном поединке, вогнав тому палаш в подмышку, но не успев увернуться от топора.

Переведя дух, сержанта рискнул выглянуть из-за вала, и не смог сдержать ругательств. Их палаточный лагерь был полон чернокровной нечисти, лошади либо отвязаны, либо убиты, а Старика нигде не было видно. На пути к руинам лежало ещё шесть тел чернокровок.

Но радоваться было рано. Сидящий рядом Хайнц торопливо заряжал свою аркебузу, как и прочие солдаты вдоль всего вала. Не считая двоих на башне, в лагере их осталось всего девять, чего было мало. Слишком мало. Хуже прочего – тварям нет нужды в свете, а надвигающаяся тьма уже поглотила лес за лагерем.

Завидев мадатхи, высунувшегося из-за его палатки с арбалетом, Фёдор тут же нырнул обратно – выстрелить прицельно из пистоля было невозможно. Рядом к стене грузно припал Шут, откуда-то успев достать мушкет, который тут же принялся заряжать.

– С-с-суки, почти достали! Ещё жив, северяшка?

– Не без помощи Спящих. – Усмехнувшись, Фёдор подобрался и завидев, что Хайнц выжидательно глядит на него, продолжил:

– Один – за моей палаткой, высовывает голову.

– Сейчас укоротим! – Хайнц резко приподнялся, вкладывая аркебузу в плечо. Секунда поиска, и двадцатиграммовая медная пуля с грохотом вырвалась из ствола, награждая их уши захлёбывающимся криком раненого. Нырря обратно, ливеец едва разминулся с болтом и пистолетной пулей.

– Их там ещё немного осталось. Думаете на всех хватит?

– Боюсь, что хватит с лишком...

– Старик возвращается! – Раздался крик с башни, куда тут же полетело ещё несколько кривых выстрелов от чернокровок.

– Прикрыть его! По моей команде – заряжай! – Тут же закричал Фёдор. Все прочие прекратили хаотичные обстрелы и заряжали аркебузы, ожидая приказа.

– Идёт вдоль леса! Нергал!..

– Цельсь!

Как один, все заняли позицию на валу, быстро выскивая

глазами цель. К их счастью, все оставшиеся стрелки чернокровок пытались добраться до двух скачущих лошадей. Шут, не без помощи сержанта, взгромоздил длинное дуло мушкета на стену – у него были наибольшие шансы попасть из всех. Первые болты полетели в сторону ездоков.

– Пли!

Почти слитный треск оружейного залпа и столп дыма заглушили крики раненых с той стороны. Всадникам оставалось лишь двадцать шагов, когда в идущую второй лошадь с кем-то, перекинутым перед Стариком, вонзилось сразу два болта, сбивая ту с ног.

– Твою мать! Шульц, Хайнц, за мной!

Не раздумывая ни секунды, Фёдор перепрыгнул через вал и бросился навстречу всаднику. Вонда, шедший на первой лошади, перепрыгнул через вал и тут же занял позицию вдоль него, присоединяясь к остальным стрелкам, ведущим перестрелку с отошедшими к лесу стрелками. Чернокровки бросили лагерь и, наконец, бежали.

На ходу вынимая пистоль, мезневчанин напряжённо вглядывался в пустоту, ожидая очередной подлости от блохастых, но те, видимо, и вправду отошли. Рухнувшая лошадь погребла под собой Старика, который не подавал признаков жизни, а лежащий подле выпавший связанный мадатхи с волчьей головой отчаянно пытался вырваться, пока удар по макушке не утихомирил ублюдка. Приподняв лошадь не без помощи Шульца и Хайнца, они смогли вытащить Леманна,

так и не приходящего в себя.

– Тащите его, я возьму ублюдка!

– Та нахер он... – Начал Шут, но Фёдор прервал:

– ВЫПОЛНЯТЬ!

Чернокровки, наконец, пришли в себя и заметили троицу имперцев. Вокруг них засвистели пули и болты.

Подхватив мадатхи под плечи, северянин принялся торопливо отступать назад, с опаской вглядываясь в лес. Тем временем Шут и Хайнц, взяв Леманна с двух сторон, быстро добежали до вала. Вдруг, появившись из воздуха, прямо перед Фёдором возникла фигура фелеса, одетая в непривычно чистые белоснежные одеяния. Тот направил ему в грудь инкрустированный камнями посох, на конце которого стал концентрироваться луч зелёной энергии.

Спустя секунду мимо сержанта прошелестела пуля, врежаясь в проявившийся вокруг друида призрачный зеленоватый доспех. Расколов тот, подобно хрустальной вазе, пуля врезалась в торс друида, снося его подобно пушинке. Лишь спустя долю мгновения Фёдор услышал грохот мушкета.

“А вот и Валериан”, – пронеслась отрешённая мысль в голове мезневчанина, пока он переваливался через стену, поддерживаемый Шульцом.

Наконец, над полем боя повисла зловещая тишина.

* * *

– Старик, не смей умирать!

– На всё воля Спящих... – прохрипел тот в ответ.

Отвары жрецов держали в нём жизнь и бодрость, но долго так продолжаться не могло. Падение с лошади было его меньшей проблемой. Один из охранников шамана успел выстрелить в Леманна, когда те уже ускользали прочь. Пуля пробила доспех и застряла в рёбрах ветерана, превратив его внутренности в сплошную кашу.

– Зелья и молитвы смогли бы его спасти, если бы он оказался в монастыре, а не на холодном каменном полу башни в окружении падальщиков. Ему нужен не покой, а хирург и жрец. – Адриан больше прочих знал во врачевании, и сержант только и мог, что кивнуть ему в ответ, когда тот закончил осмотр.

– Жаль, блохастые не разделяют нашего стремления спасти ему жизнь. Возвращайся на пост. – Похлопав его по плечу, сержант тяжело опустился на пол подле головы ветерана. Кираса вдруг стала очень тяжёлой.

– Что с друидом? – Скрипучий голос Леманна стал звучать ещё более старо и безжизненно.

– Живой. Говорить отказывается. Отдал его Шуту.

– Он и не будет. Но они слишком их ценят...

– Пока я что-то не вижу парламентёров, – фыркнул в ответ сержант. Очень хотелось пить. Но большая часть припасов досталась ублюдкам, что без зазрения совести выли и кричали в небольшом отдалении от их оказавшегося в осаде форпоста. Теперь чернокровки были вокруг всего холма, с каждой из его сторон. Десятки. Слишком много.

– Они гордый народ. Заметили, как по разному они оде-
ты? – Нарушил возникшую заминку Старик.

– Знаю. Сводный отряд из городских и племенных. При-
тирка боем.

– О, это вы не упустили...

– Зверь старается примирить тех чернокровок, что жили
по имперским законам, “в цепях”, с теми, кто избрали Харод
своим домом в качестве племён, – нашёл в себе силы пожать
плечами сержант. Его мысли были далеко отсюда. На восто-
ке, над пиками Спящих, уже блестела тонкая полоска рас-
света. Сколько они уже не спали? Десять часов? Двенадцать?
Нет, явно больше...

– Вы никогда их не называли “блохастыми”, сержант.

– Что? – Нахмурившись, тот повернулся к грустно улыба-
ющемуся Леманну.

– Быть может в тебе нет и доли той веры, что вела меня
последние годы, но ты не считаешь себя выше них... Для те-
бя они те же имперцы. Ты верный сын Мезнева, а не Канце-
лярии.

Фёдору было нечем крыть. Иногда, в мыслях, он назы-
вал чернокровок так, как это делали другие, но... Его масте-
ром фехтования и стрельбы были несущие на себе прокля-
тие чёрной крови, пусть и сильно очищенное браками с нор-
мальными людьми. Он никогда не понимал, почему в Ливе
стоят гигантские фермы полуросликов, зачем отдавать рабо-
ту честных крепостных этим безвольным и сломанным иг-

рушкам, именуемым рабами.

– Те, что стекаются под сень Зверя, остаются врагами Империи, а значит и меня... – Заговорил он.

– Вы сообщили в штаб? – Вдруг прервал его старик.

– Ты же знаешь, что да. – Мезневчанин сделал это сразу, как бой прекратился.

– И что вы передали?

Немного порывшись в туго соображающей голове, сержант вспомнил:

– Отряд Фёдора. Попали в засаду. Много друидов. Один пленён. Сводный отряд Нуриза. Потеряли половину. В долине может быть больше.

– Надо посох к пороховому складу приставить. Как и тот, что ты добыл. Говорят, магические штуки хорошо взрываются. – Снова сменил тему ветеран.

– Уже сделал. Ты говорил об этом вчера.

Старик долго не отвечал. Опасаясь худшего, сержант перевёл на него взгляд, но тот лишь сосредоточено что-то шептал.

Сверху раздался громкий выстрел из мушкета – в отдалении прозвучало улюлюканье и насмешливые крики. Чернокровки держались за сотню метров, осыпая их градом оскорблений и мешая спать. Зорана уже ждёт своих верных слуг. Даже если из полка сюда полетят маги, те лишь первыми застанут их хладные тела, подвешенные за ноги на ближайшем дубу.

– Но были бы шансы у их народа без Зверя? Неужели Спящие и правда хотят этой бойни... – Вновь заговорил Леманн, нарушая повисшую тишину. Невдалеке коротко перебежал вдоль стены Шульц, сменяя масло в потускневших лампах.

– Спящие уже давно ничего не хотят, Старик. Они оставили нас наедине с Нергалом. Наедине с тварями пустоты. Наедине с такими проклятиями, что превращают тысячи в уродов. – Сержант стянул с себя шлем и взглянул на звёзды. – Иногда мне кажется, что всё, что мы делаем, зазря.

– Это и отличает нас от чернокровок, – ветеран вдруг задвигался, пытаясь будто бы приподняться, но быстро бросил это дело, однако в его голосе прорезались нотки мудрого учителя:

– Мы знаем, что если Зверь одержит верх – Светоч угаснет и пустота Нергала поглотит Империю. Мы помним уроки прошлого. И даже после эпохи Раздора храним в себе свет Спящих, а Пограничная армия всё ещё бьёт больше тварей пустоты, чем разнимает конфликты внутри Империи...

– Почему ты вылетел из первого полка? – У Фёдора слишком болела голова, чтобы слушать нравоучения. После секундной заминки, Леманн, с усмешкой ответил:

– Был молод и глуп. Приставал к любимице Фрисмаха.

– Что?! – Неожиданно для себя, сержант засмеялся от приступа неуместного веселья. Сверху выглянул заспанный Клауд и усталый Рон.

– Я же говорю, – даже Старик позволил припустить свое-

му тону смеха и силы. – Был молод и глуп! Знайте, остолопы – я приударил за самой фрейлиной рода де Аммонов! И наставил рога самому Фрисмаху, мать его, Великому! И хер кто из вас меня в этом превзойдёт!

Спустя пару минут, как на седьмой день похода, на очередном безымянном холме смеялись бойцы двадцать шестого полка Имперской Пограничной Армии, несмотря на аккомпанемент непрерывного воя от наседающих чернокровок, готовых разорвать их на куски.

Спустя час Старик ушёл из жизни.

* * *

Засветло стало понятно, что чернокровки готовятся к штурму, подбираясь всё ближе, прощупывая, сколько ещё осталось припаса для огненного боя. Их было не меньше пяти дюжин. Слишком много. Фёдор, с тяжёлым сердцем, приказал вылить все оставшиеся зелья, кроме одного, и отнести весь лишний порох и огненный припас к складу, оставляя каждому лишь по две пули и пороха. У каждого оставалось по 4 заряженных пистоля, 13 аркебуз, которых не будет возможности зарядить повторно и один мушкет – один остался у разведчиков, один – взорвался, забрав с собой жизнь Ренато.

Чернокровки пошли на штурм прямо перед рассветом. Появившийся на вершине башни с петлёй на шее друид остановил их, но тот, вопреки чётким указаниям, вырвался из хватки Шульца и сам прыгнул вниз, провоцируя остатки стаи к бою. Те начали атаку одиночными выстрелами из порохо-

стрела и совсем уж хлипкой магией – жалкая попытка обвить корнями башню и обрушить её обернулась ничем. Фёдор не говорил в этот раз речей, лишь подал пример, первым взводя курок аркебузы и припадая на колено.

Твари навалились со всех стороны одновременно, вынуждая защитников собраться у входа в башню – встречая первых чернокровок прицельной стрельбой.

– Мой!

Шульц первым открыл огонь, сбивая удивлённого баагвая, одетого в настоящую кирасу. Тот вёл чернокровок за собой, но его гибель лишь задержала прочих. Лишь когда счёт погибших достиг пяти, атакующие остановились, стягиваясь поближе к башни и собирая толпу побольше. Наконец, те стали осторожно выглядывать, награждая имперцев арбалетными залпами. Первым погиб Вонда, когда сразу три болта пробили его кирасу.

Спустя ещё пару минут, блохастые накопили под стенами достаточно сил и ринулись к ним с двух сторон, пока их стрелки засели напротив, используя земляной вал против самих рейтар. Рон получил копьём под забрало. Клауд – выстрел в упор из пистолета в брюхо. Энрико попробовал прорваться наружу, в отчаянии, был буквально разорван на куски, но дал время остальным забежать внутрь и завязать оборону на винтовой лестнице – однако у обороняющихся не было копий, в отличие от атакующих.

Первым, кого зацепили за ногу крюком, оказался Мервин.

– ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ! – С криком, за другом, вперёд бросился Валериан, в безнадёжной попытке спасти своих.

На скромной площадке наверху оставались лишь Шут, Фёдор, Адриан и Хайнц. После дружного залпа из восьми пистолей, самые рьяные чернокровки стали препятствием для остальных, давая осаждённым короткую передышку. Если на лестнице у нападающих было преимущество в виде копья, то на площадку предстояло выходить снизу, оставаясь открытым для удара в затылок, что нивелировало превосходство в досягаемости.

– Я убил не меньше восьми блохастых. Я веду? – Кривая ухмылка на лице Шута казалось ещё более уродской, чем обычно, из-за засохшей на лице крови. Фёдор был почти уверен, что тот всё ещё не был ранен.

– У меня трое. – Пожал плечами растерянный Хайнц. Его взгляд отчаянно метался по башне, в тщетной попытке найти выход. Снаружи затрещали арбалеты, в жажде добраться до рейтар.

– Келегор любит тебя, ливеец. У меня тоже три. – Грустно улыбнулся обычно молчаливый Адриан.

– У меня четверо. Но ещё даже не полдень. – Попробовал поддержать их Фёдор, но голос предательски дёрнулся. Он никак не мог оторвать взгляд от запала, искусно скрытого Гномом от посторонних. Тот тянулся прямиком под лестницу, где лежал Старик. Он ещё в первый день стоянки настоял, чтобы весь припас хранился на заставе, и сейчас неболь-

шой склад был совсем рядом с ублюдками. Прямо под ними.

– Ха, а ты верно молвишь! Давайте, твари, у кого хватит духа!

Духа у них хватило. Вскоре на лестнице, яростно пыхтя, появился огромный медведь, едва уместящийся на оной, оттого более устрашающий. Залп из пистолей даже не заставил эту тварь почесаться. Тогда Адриан попытался проткнуть тварь с площадки позади, но идущие следом за медведем фелесы подстрелили рейтара. Хайнц бросился на тварь с палашом, но та неожиданно резво встретила его ударом лапы, отбрасывая ливейца на край площадки, подобно кукле.

– Для меня было честью служить с тобой. – Промолвил северянин, бросаясь назад и доставая огниво над дорожкой из пороха.

– Послужим у Келегора вместе. – Шульц, показушно отсалютовав, бросился прямо под медведя, проскальзывая под взмахом его лапы и врезаясь тому в ноги, с трудом помещающиеся на ступенях. – **ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ!**

С рёвом, медведь покатился вниз, хороня под собой и Шута, фелесов, и тех, кто шёл за ними.

На секунду, когда его рука зависла над кресалом, предательский голосок завещал Фёдору о том, что чернокровки берут пленных. Что с ними можно договорится. Что он этого не заслуживает. Сглотнув, он опустил руку с огнивом и выбил искру.

– Всегда с победой...

В те секунды, пока пороховая дорожка бежала вниз, сержант подбежал к краю и прыгнул, выискивая в голове слова молитву Зоране о... Северянин так и не успел придумать, о чём попросить Спящую. Спустя секунду полёта за его спиной раздался взрыв, подхвативший человека будто пушинку. За секунду до того, чтобы упасть в черноту небытия, сержант даже успел удивиться, почему у взрыва зелёный цвет.

* * *

– Да шоб мне в трусы святой залез, шож тутача случилось?! – Фишер аж крякнул, как завидел, на что указывает Йохан – одинокий холм с кратером на вершине, подле которого стояла лишь фиолетовая палатка полковых магов.

– Знать бы, чес-слово, не хотелось бы. Спящие убереги душу, оказаца у такого места, да ещё подле колдунья сраного.

– Я слышал, тут была драка с чернокровной поганью. Если бы стало быть так – то глядим мы, братцы, на то, как зверью подпалили задницы! – Весело включился в разговор Николас. – Холм сей терь холмом Зверя зовут – дралися наши так, шо шерсть до небес стояла! Три сотни против десяти!

– Гонишь! – Тут же фыркнул косоглазый Вагнер.

– Вот те Спящие!

– Ну и кто тама геройствовал? Лично Аммон с Келегором?

– Не, рейтары наши. Ну, их тама ток половина была. Другой пяток конечно от нашего брата был!

– Брешишь. – Бросил Фишер.

– Так всё и было! Даже, говорят, выжил с холма один!

– Аха, и лично в Гектос пошёл служить, – вновь фыркнул

Вагнер.

– Разговоры в строю! Равнение по левому краю! Сено-Солома!

В долину, с раскрытыми знамёнами, входил двадцать шестой полк. Война Зверя продлится ещё долгие полтора года.